

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА

Работая в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, я обнаружил среди индивидуальных планов научных сотрудников Института этнографии АН СССР на 1942 г. такой пункт: «Составление некрологов с биобиблиографическим материалом умерших сибиреведов.

Н. П. Дыренкова — А. А. Попов

Н. А. Липская — Г. М. Василевич

Н. П. Никульшин — В. В. Антропова

Г. Н. Прокофьев —

Г. М. Корсаков — М. А. Сергеев

С. Н. Стебницкий — М. А. Сергеев

К 25 июня 1942 г.»¹. Слева указано, о ком надо написать некролог, справа — исполнитель, автор некролога.

Очевидно, по целому ряду причин указанный пункт тогда не был выполнен. Можно предполагать, что этому помешали текущая музейная работа в условиях блокадного города и подготовка к эвакуации в Казань большой группы сотрудников, которая и была проведена в июле 1942 г.²

Мне думается, что приближающаяся знаменательная дата — 50-летие Победы в Великой Отечественной войне — самый подходящий повод отдать долг памяти, почтить бессмертный подвиг наших коллег — сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших как в блокадном Ленинграде, так и на фронтах Отечественной войны. Было бы несправедливо писать только о научных сотрудниках-сибироведах, как это предполагалось в 1942 г. Следует писать обо всех сотрудниках — ученых, научно-технических сотрудниках и рабочих, которые служили во время войны в нашем учреждении и которые ценой своих жизней сохранили бесценные коллекции старейшего русского государственного академического музея, защитили Родину, приблизили час исторической Победы.

Даже погибшие в блокадном Ленинграде далеко не все погребены на Пискаревском кладбище. Память не сохранила мест их захоронения, но и на них должно распространяться обязательство живых, которое высечено на пискаревском граните: «Никто не забыт. Ничто не забыто».

Следуя этой заповеди, осмеливаюсь предложить читателям журнала трехчастную статью под общим названием «Отдание долга»: ч. 1. «Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в блокадном Ленинграде»; ч. 2. «Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в боях за Родину»; ч. 3. «Институт этнографии АН СССР в период Великой Отечественной войны». Первые две статьи как бы служат выполнению обязательства: «Никто не забыт». В них будут даны краткие биобиблиографические материалы о наших коллегах, не доживших до Победы. Погибшие ученые — это по преимуществу воспитанники Петроградско-Ленинградской этнографической школы, выросшие под руководством Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова, Я. П. Кошкина, И. И. Зарубина, Н. В. Кюнера и др. Даже сегодня невозможно до конца осознать, сколь значительна потеря и как негативно она сказалась и сказывается до сих пор на развитии отечественной этнографии, антропологии, фольклористики. Погибшие рабочие — это честные, добросовестные труженики, которых не всегда ценили в будничном потоке времени, но без которых не может существовать ни одно учреждение. Третья статья — о судьбе института во время войны — свидетельствует: «Ничто не забыто».

Все три статьи базируются на архивных материалах, прежде всего Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и архива Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН.

**Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР,
погибших в блокадном Ленинграде**

Даже сейчас трудно подсчитать, сколько сотрудников погибло в период блокады...

Первой, 28 октября 1941 г., скончалась тюрколог *Надежда Петровна Дыренкова*³. Она родилась 31 мая 1899 г. в дер. Соснинка Новгородского уезда Новгородской губернии, в семье лесопромышленника. После окончания в Петербурге гимназии начинает с 1918 г. учительствовать в г. Луге и помогать семье (отец умер в 1910 г.). В 1920 г. отдел народного образования Луги направил Н. П. Дыренкову для продолжения учебы и получения высшего образования в Петроградский педагогический институт. Поступив в него, она вскоре переводится на этнографический факультет Географического института. Ее учителями этнографии были Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз, а тюркологии — А. Н. Самойлович и С. Е. Малов. Специальность по диплому — этнограф-языковед тюркских языков. Еще в студенческие годы началась экспедиционная деятельность Дыренковой. Во время самостоятельных поездок на Алтай она изучала язык, обычаи, верования тюркских народов этого горного края.

В 1925 г., после окончания института, Н. П. Дыренкова получает приглашение с 1 ноября занять должность практиканта в МАЭ и младшего ассистента на отделении этнографии в ЛГУ. С тех пор она неизменно вела свою работу по этим двум направлениям. На этнографическом отделении географического факультета университета, а затем в Ленинградском историко-лингвистическом институте она читала лекции и вела семинары по этнографии, фольклору и языкам тюркских народов Сибири. В 1926—1932 гг. она преподавала тюркские языки северянам в Институте народов Севера. В 30-е годы Н. П. Дыренкова принимает деятельное участие в конференциях и практической работе, проводимой Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР. По его просьбе Надежда Петровна давала заключение об алфавитах хакасского, шорского и ойротского языков и подготавливала грамматики этих языков. В конце 1940 г. по поручению коллегии Народного комиссариата просвещения она предприняла поездку в Горный Алтай для оказания практической помощи местным отделам народного образования и школам в постановке преподавания тюркских языков.

С 1931 г. Н. П. Дыренкова — научный сотрудник 1-го разряда, с 1937 г. — старший научный сотрудник Кабинета Сибири сначала МАЭ, затем Института антропологии и этнографии. В течение трех лет она обучается в аспирантуре АН СССР. В связи с поступлением в аспирантуру акад. А. Н. Самойлович так охарактеризовал ее кандидатуру: «Избранная Н. П. Дыренковой специальность имеет важное значение в нашей стране, где турецкие племена составляют значительную часть населения. Более подготовленного по данной специальности (этнография турецких народов), чем Н. П. Дыренкова, кандидата на аспирантуру при АН мне неизвестно». Тема ее диссертации — «Мировоззрение, религиозные представления и формы культа у турецких охотничьих и скотоводческих племен тюркско-монгольских народов». Все эти годы она ведет интенсивную экспедиционно-собираТЕЛЬскую деятельность, много публикуется. В 1935 г. президиум АН СССР присудил ей без защиты степень кандидата по этнографии.

Имя Н. П. Дыренковой было известно и за рубежом. Ее доклад «Культе медведя у тюркских племен народов Сибири», подготовленный по просьбе Франца Боаса, вошел в материалы XXIII Международного конгресса американистов, а доклад «Значение термина „бура“ у алтайских тюрков, относящихся к культуре лошади и оленя», был представлен в 1934 г. Всемирному тюркологическому конгрессу лингвистов в Анкаре. Ею же при участии акад. А. Н. Самойловича сделано квалифицированное научное описание коллекции предметов быта, культа и народных инструментов алтайцев, переданной АН СССР в дар Этнографическому

музею в Анкаре. Это описание получило в Турции высокую оценку научной общественности и официальных органов.

В 1932 г. во время очередной экспедиции Н. П. Дыренкова тяжело заболела (волчанка, или кожный туберкулез, на лице и теле от сильных солнечных ожогов). Болезнь особенно обострилась после начала войны, блокады. Роковую роль сыграло и воспаление легких, случившееся в результате дежурств в холодное осеннее время. Она знала, что скоро умрет, о чем свидетельствует оставленное ею завещание. Смерть Н. П. Дыренковой 28 октября 1941 г. поразила всех. Вместе с коллегами она вплоть до последнего вдоха выполняла различные поручения по охране объекта, входила в состав 3-го звена бригады по сохранению музейных ценностей. В приказе директора Института этнографии АН СССР проф. И. Н. Винникова от 29 октября 1941 г. сообщалось, что старейшая сотрудница Института, крупнейший специалист по этнографии и языкам тюркских народов Сибири, ближайшая ученица великого русского этнографа Л. Я. Штернберга Надежда Петровна Дыренкова скончалась на своем посту.

Труды Н. П. Дыренковой продолжают самостоятельную жизнь; некоторые из них увидели свет уже после войны⁴. Имя Надежды Петровны и сегодня с уважением произносится этнографами, языковедами и тюркологами⁵.

Ноябрь 1941 г. миновал благополучно, однако в декабре умерли сразу три сотрудника Института.

17 декабря не стало *Евгения Андреевича Курманаева*⁶. Он родился в Петербурге в 1885 г. Окончил 8 классов Николаевской купеческой школы (коммерческое училище) и стал работать по финансовой части. 13 мая 1940 г. Курманаев перешел из ГМЭ на должность заместителя главного бухгалтера института, на которой оставался вплоть до своей кончины.

23 декабря скончался старший кочегар *Михаил Алексеевич Бабкин*⁷. Он родился в 1891 г. в удмуртской крестьянской семье, окончил сельскую школу. В дальнейшем работал в городе, в Институте этнографии — с 17 марта 1939 г. С началом войны участвовал в рытье окопов под Ленинградом, охранял здание и коллекции...

25 декабря умер кавказовед *А. Н. Генко*⁸. Выписка из списка рожденных и крещенных евангелическо-лютеранского прихода св. Петра в Санкт-Петербурге гласит: «1896 г., ноября 4 дня в 3/4 8 часа вечера родился в Санкт-Петербурге и 1896 г. декабря 3 дня пастором Финдейзен на квартире окрещен Анатолий Николай фон Генко, законнорожденный, отец — действительный статский советник Эрнст-Петр-Нестор фон Генко и мать — жена его — Мария-Адельгейда, урожденная фон Гарф». Отец его Нестор Карлович Генко (1839—1904) — дворянин, ученый-лесовод. Он служил ученым лесничим в Главном управлении уделов и имел большую семью: шесть сыновей и четыре дочери. Младшим из сыновей и предпоследним в семье был Анатолий. В 1906—1914 гг. он учился в петербургской Первой классической гимназии, причем по настоянию опекуни в 1908—1914 гг. жил в интернате при гимназии. В 1914—1920 гг. А. Н. Генко — студент Петроградского университета: в 1914—1919 гг. классического отделения историко-филологического факультета (занимался под руководством Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева) и одновременно в 1915—1920 гг. — на армяно-грузинском отделении факультета восточных языков (слушал лекции Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, И. И. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы).

В 1917—1920 гг. студенту приходилось подрабатывать: он давал частные уроки, учительствовал в 9-летней школе на Галерной ул., служил переводчиком в Морском министерстве (наркомате) и был техническим сотрудником редакции газеты «Северная коммуна».

С 1920 г. по совету акад. Н. Я. Марра А. Н. Генко начал подготовку к научной деятельности. С января 1921 г. он был зачислен научным сотрудником Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Петроградском университете. Здесь вместе с В. И. Абаевым Генко трудился над составлением «Осетино-черкесского словаря». С 1922 г. он —

нештатный сотрудник АН СССР: с января в Яфетическом институте, а с марта в Азиатском музее (с октября 1923 г. в штате последнего). Азиатский музей (с 1930 г. Институт востоковедения) АН СССР — основное место работы ученого. Тут он состоял научным сотрудником, ученым хранителем, заведующим Кабинетом Кавказа.

А. Н. Генко был выдающимся знатоком и исследователем крупных и мелких кавказских языков. Полагают, что помимо европейских и восточных он свободно владел примерно 20 языками народов Северного Кавказа и Закавказья. Будучи членом Центрального комитета нового алфавита при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, он принимал деятельное участие в создании алфавитов для прежде бесписьменных народов кавказского региона. Им впервые были созданы грамматики и словари целого ряда языков. Только за период с 1923 по 1936 г. Генко совершил в районы Кавказа свыше 20 исследовательских поездок, во время которых фиксировал наличие новых, ранее неизвестных науке языков.

Так, отправившись летом 1927 г. в Азербайджан для изучения хыналыгцев и их языка (что вполне успешно осуществил), он изучил язык и этнографию еще одного народа — хапутлинцев. При этом ученый высказал идею о связи последнего с одним средневековым народом, известным по грузинским и армянским источникам. Лингвистические данные Генко широко использовал в своих этнокультурных и этногенетических исследованиях. До сих пор сохраняет актуальность его мысль о том, что следует проявлять осторожность при установлении этногенетических связей древнего и современного населения; представляют интерес размышления о роли фактора многоязычия в этнических процессах, о его социокультурных последствиях и т. д. Собранные ученым лингвистические, этнографические и фольклорные материалы по горским народам Северного Кавказа — бесценное научное сокровище.

Придавая важное значение расширению источниковедческой базы исследований, Генко переводил труды арабских и западноевропейских авторов. Он автор более 50 работ по самым различным проблемам лингвистики, истории, этнографии, фольклора народов Кавказа⁹.

В феврале 1936 г. А. Н. Генко пришел в Институт антропологии и этнографии АН СССР, где организовал Кабинет Кавказа, способствовал развитию этнографического кавказоведения. Его ближайшими помощниками в этом были Л. Б. Панек, Л. И. Лавров и др.

С 1923 г. А. Н. Генко преподавал в ЛГУ, ленинградском Восточном институте (с 1925 г. — доцент, с 1935 г. — профессор), руководил работой аспирантов по истории и языкам Кавказа в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока СССР. Исследовательской работой занимался также в Государственной Академии истории материальной культуры. В 1935 г. по отзывам академиков И. Ю. Крачковского, И. И. Мещанинова и С. А. Жебелева президиум АН СССР присудил А. Н. Генко ученую степень доктора филологических наук.

13 апреля 1938 г. он был отчислен из Академии в связи с арестом и после освобождения восстановлен с 10 января 1940 г. в Институте востоковедения и с 1 августа 1941 г. в Институте этнографии на должности заведующего отделом Кавказа. Однако не успел он по-настоящему развернуть свою деятельность, как с 4 октября 1941 г. был отчислен из списка сотрудников института как находящийся под следствием. На этот раз поводом для ареста послужил донос одного из коллег по Институту востоковедения. На очной ставке у следователя доносчик говорил о поведении А. Н. Генко: «Уже до ареста был настроен антисоветски, утверждал, что в Советском Союзе наука не может свободно развиваться, будучи связана с политикой. Колхозный строй, по его словам, привел горцев Кавказа к полному разорению, в результате чего они непрерывно голодают. Национальная политика советской власти создала, по его словам, невыносимое положение для малых народов, страдающих от великодержавного шовинизма грузин и азербайджанцев. Чрезвычайно резко отзывался о грузинской общественности, которая, по его словам, ненавидит все русское, но при этом сама

не способна к государственному строительству. Советовал востоковедам остерегаться актуальных тем в научной работе, ибо всякое соприкосновение с жизненно важной тематикой (особенно словарная работа в области национальных языков народов Союза) якобы неизбежно повлечет за собой для ее авторов репрессии»¹⁰.

Как гласит заключительный рапорт тюремного врача Грихилеса, А. Н. Генко «находился в больничной камере с 18 декабря с низким упадком питания и заболеванием сердца в форме грудной жабы. Состояние в течение последних дней резко ухудшилось. 25 декабря был приступ грудной жабы. Принятые меры были безрезультатны. При явлениях нарастающей сердечной слабости в 10.30 А. Н. Генко скончался»¹¹. Как свидетельствует тюремная фотография, скончался он скорее всего от сильного истощения¹².

За день до нового, 1942 г., т. е. 30 декабря 1941 г., ушел из жизни антрополог *Андрей Никифорович Юзефович*¹³. Он родился 27 ноября 1892 г. в Вышнем Волочке Тверской губ., по происхождению из мещан. В 1909—1913 гг. обучался в Учительской семинарии, после окончания которой с 1913 по 1915 г. служил учителем-надзирателем Ольгинского приюта близ г. Павловска Санкт-Петербургской губ. С сентября 1915 г. по сентябрь 1917 г. состоял на военной службе. В 1917—1918 гг. закончил Учительский институт и получил звание учителя географии и биологии, после чего сразу поступил на биологический факультет Педагогического института, но в 1919 г. ушел со второго курса (очевидно, трудно было совмещать учебу и работу). С июня 1918 г. он был назначен и. о. заведующего 4-м городским сиротским домом в Петрограде, а с октября того же года — преподавателем единой трудовой школы в Лесном. 23 сентября 1919 г. призван в Красную Армию, направлен в Башкирию, где находился на различных военных, а затем гражданских должностях до начала 1922 г. В 1922 г. состоял в Подмоскovie преимущественно на партийной работе, а с мая 1923 г. он уже на профсоюзной и преподавательской работе в Воронеже.

В 1931—1935 гг. А. Н. Юзефович — аспирант Института антропологии при МГУ. В Москве он также работал доцентом Московского вечернего педагогического института, преподавателем курсов Центрального института повышения квалификации кадров народного образования, в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской и т. д. 22 декабря 1935 г. в МГУ состоялась защита диссертации на степень кандидата биологических наук по теме «Неандертальские черты на черепе *Номо sariensis*», по которой не было принято однозначного решения, и она не прошла утверждения в ВАК.

С 1 марта А. Н. Юзефович был зачислен на должность научного сотрудника 1-го разряда Института антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Здесь он при поддержке дирекции пытался организовать новую защиту или добиться пересмотра в ВАК прежнего отрицательного решения, но принять положительного решения так и не удалось. Сложно складывались и его отношения с партийной организацией. Член партии с 1919 г., он за использование служебного положения был исключен из партии в 1928 г. и даже отдан под суд. Суд не подтвердил обвинения, но нашел, что его поведение способствовало дискредитации власти. Юзефовича приговорили к восьми месяцам принудительных работ. В 1933 г. Комиссией по чистке он был исключен из рядов ВКП(б) как неисправившийся в партповедении, несмотря на ряд серьезных партийных предупреждений, и за политическую пассивность.

В МАЭ А. Н. Юзефович занимался разработкой проекта реэкспозиции Отдела антропологии, ездил как антрополог в экспедиции, в частности в Старую Ладугу под руководством В. И. Равдоникаса. Он понимал, что «значение антропологического материала столь большой древности из района „великого пути из варяг в греки“ огромно для решения вопросов этногенеза и древнейшей истории русского народа». Как ученый, Юзефович разрабатывал такие темы, как «Кисть из Киик-Коба», «Роль труда в антропогенезе» и др. О его разнообразных интересах в науке свидетельствуют и опубликованные им работы¹⁴. С 1939 г. он преподаватель археологического отделения Исторического факультета ЛГУ и Географического факультета Ленинградского педагогического института им. Герцена.

После начала Отечественной войны с 3 сентября 1941 г. А. Н. Юзевич был назначен ответственным по институту по выполнению сотрудниками оборонных работ, а с 29 ноября 1941 г. был переведен на казарменное положение и стал дежурным на пожарном посту второй смены. Действовал, пока двигался...

В январе 1942 г. умерло четыре человека. Уже 2 января скончался вахтер *Викентий Степанович Оверко*¹⁵. Он родился в 1874 г., работал в институте с 21 октября 1939 г. С началом войны принимал участие в оборонных работах, в охране здания и коллекций.

8 января не стало антрополога *Григория Ивановича Петрова*¹⁶. Он родился 26 мая (8 июня) 1903 г. в г. Царевококшайске Казанской губ. (ныне г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл) в семье священника. В 1913—1920 гг. учился в мужской гимназии, после окончания которой поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. В 1923 г. перевелся в Петроград, чтобы специализироваться по антропологии. Одновременно в целях повышения квалификации стал заниматься на этнографическом отделении Географического института. В декабре 1923 г. получил командировку МАЭ в Татарию и Марийскую автономную область для производства этнографических исследований. В 1924 г. после окончания университета по специальности антропология поступил на работу в МАЭ в качестве научного сотрудника 2-го разряда. С 1926 по 1929 г. учился в аспирантуре в ЛГУ, одновременно оставаясь на службе в музее. Зимой 1928—1929 гг. Петров находился в заграничной командировке: слушал лекции и занимался в антропологических лабораториях в Берлине и Мюнхене, ознакомился с постановкой работы в антропологических и естественноисторических отделах в музеях Гамбурга, Лейпцига, Дрездена, Гейдельберга и других немецких городов, а также в Антропологическом институте Венского университета. Осенью 1929 г. был утвержден старшим ассистентом по кафедре антропологии географического факультета ЛГУ.

В 1924 г. Г. И. Петров осуществил две научных поездки в Марийскую автономную область, где собрал значительные антропологические и этнографические материалы. За них он получил благодарность от Отделения истории и Отделения филологии АН СССР. С тех пор ученый ежегодно выезжал в экспедиции в различные районы страны, в частности в 1927 г. проводил антропологические исследования в Таджикистане и Узбекистане, в 1930 г. — в Крыму в Эски-Керменской экспедиции, летом 1931 г. возглавлял Бурято-Монгольскую антропологическую экспедицию и т. д. Петров выступал с докладами на первом (1925 г.), третьем (1928 г.) и четвертом (1930 г.) съездах зоологов, анатомов и гистологов страны.

В сентябре 1932 г. он по собственному желанию уволился из МАЭ и был утвержден научным сотрудником 1-го разряда ГАИМК (сначала в Институте исторической технологии, а затем в секторе доклассового общества). В 1935 г. квалификационная комиссия АН СССР присудила Г. И. Петрову ученую степень кандидата биологических наук, однако это решение было утверждено окончательно только в мае 1939 г.

В 1933 г. Г. И. Петров был назначен доцентом Ленинградского института истории философии и лингвистики по кафедре археологии с поручением вести преподавание по антропологии. В 1939 г. вместе с кафедрой археологии он был переведен на исторический факультет ЛГУ. В 1939 г. в связи с переводом ГАИМК в систему АН СССР и упорядочиванием тематики исследований был освобожден от должности в Академии, и ЛГУ стал местом его основной работы. В 1940/41 учебном году Г. И. Петров провел самостоятельные спецкурсы «Введение в антропологию» и «Остеология» для студентов-археологов исторического факультета, подготовил к печати работу «Трудовая теория антропогенеза в свете новейших данных по палеонтологии человека»; в издательстве университета была напечатана его брошюра «Расовая теория германского фашизма». В 1941/42 учебном году ему поручалось чтение курса «Введение в антропологию» с практическими занятиями для студентов второго и третьего курсов исторического факультета. В это время Г. И. Петров приступил к подготовке докторской диссертации.

Ученый начал печататься еще в 1924 г. Он занимался изучением самых различных проблем антропологии: физического развития населения отдельных районов страны и распределением групп крови у них, связи морфологических признаков с группами крови, истории науки, происхождения человека и антропологической характеристики отдельных народов, формирования человеческих рас. Всего им опубликовано и подготовлено к печати около 100 научных и научно-популярных работ. Его работы печатались также и за рубежом.

В Институт этнографии АН СССР он был зачислен с 1 июля 1941 г. Будучи невоеннообязанным, он участвовал в напряженной работе, которая в первые военные месяцы проводилась в институте. 3 ноября 1941 г. приказом директора его назначили на должность заведующего отделом антропологии.

9 января 1942 г. скончался старейший сотрудник *Николай Романович Косиковский*¹⁷. Он родился в 1874 г. Всю свою жизнь после службы в армии он проработал в Музее антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. На работу его принимал акад. В. В. Радлов в апреле 1901 г. «Начав работать в музее в качестве служителя, Н. Р. Косиковский, благодаря любовному отношению к музейному делу, сумел достичь квалификации научно-технического сотрудника и в настоящее время является прекрасным знатоком археологических фондов музея», — говорилось в приказе дирекции музея от 25 апреля 1941 г. Отмечая многолетние труды Косиковского по сохранению и содержанию в надлежащем порядке ценнейших музейных коллекций, дирекция объявила ему благодарность¹⁸. После начала войны он участвовал в работах по сохранению исторического здания Кунсткамеры и музейных коллекций (упаковка в ящики, размещение в специально отведенных помещениях и т. д.). О смерти Н. Р. Косиковского в институт сообщил его сын: «Умер на трудовом посту, до последнего момента отдавая все свои силы работе в институте. Убитая горем семья просит Вашего содействия в получении материальной помощи от Академии наук СССР, и в частности изготовления гроба силами и средствами Вашего института»¹⁹.

Это было тяжелое время для города и его жителей, ежедневно умирали тысячи людей. Как вспоминал Н. А. Бутинов, работавший одно время комендантом здания, он по долгу службы на санках отвозил тела сотрудников на Стрелку Васильевского острова. Там между ростральными колоннами был своеобразный морг под открытым небом — морозы в ту зиму достигали 40°. Обычно ночью специальные машины увозили покойников на кладбище для захоронения в общей могиле. Когда сотрудники выбивались из сил, тела умерших временно складывали в одном из кабинетов... Едва ли тогда институт мог помочь семье Н. Р. Косиковского, а потому все тяготы по его захоронению легли на плечи семьи. И разве можно кого-то в этой ситуации упрекнуть в бездушии, невнимании к человеку?

29 января 1942 г. не стало сибиреведа *Георгия Николаевича Прокофьева*²⁰. Он родился 28 августа 1897 г. в Петербурге. Его отец Николай Дмитриевич — дворянин, православного вероисповедания, художник и архитектор, мать Матильда Леонтьевна — лютеранка, внучка известного немецкого поэта Йессена. Сына крестили 18 сентября 1897 г. в Екатерининской церкви, что при Академии художеств. Учился он в знаменитой «Питершуле», состоявшей при реформаторских церквях в Петербурге. Эта гимназия давала, в частности, прекрасное знание немецкого языка. В июне 1916 г. сын статского советника Георгий Прокофьев обратился к ректору Петроградского университета с просьбой о зачислении его на сельскохозяйственный подотдел естественного отдела физико-математического факультета, но уже через три месяца просит о переводе его на юридический факультет.

5 января 1917 г. по личной просьбе он оставил университет и был зачислен юнкером Михайловского артиллерийского училища (шла война!). Однако в училище он пробыл недолго. Как страдающий бронхиальной астмой Прокофьев был уволен из числа юнкеров и уже 16 февраля 1917 г. восстановлен в списках студентов. 14 (27) февраля 1918 г. он подает новое прошение о переводе его на

историко-филологический факультет, а еще через два года переводится на этнографическое отделение Географического института. Когда после перенесенного менингита врачи рекомендуют ему больше отдыхать и избегать нагрузок, он увлекается рисованием и живописью. Это увлечение стало одной из его профессий. Г. Н. Прокофьев любил музыку, играл на скрипке, дружил с Е. А. Мравинским и Н. К. Черкасовым.

Основной его профессией оставалась этнография. Он считал, что для глубокого познания психологии и мировоззрения народа нужно обязательно знать его язык. На последнем курсе вместо подготовки диплома он едет вместе с молодой женой Екатериной Дмитриевной (тоже студенткой-этнографом) и дочерью на Туруханский Север, где в течение трех лет заведует школой на фактории Янов Стан. Он учил детей грамоте, собирал материал по этнографии кетов, селькупов и ненцев, изучал языки этих народов. Местные народы прозвали Георгия Николаевича «Юр», что означает «друг». Они испытывали к нему большое уважение и доверие. Летом 1927 г. Прокофьев отправляется в Ленинград, где для студентов и преподавателей этнографического отделения им был сделан доклад о его изысканиях на Севере. Как позднее отмечал университетский журнал «Этнограф-исследователь», «научные материалы, привезенные Прокофьевым, весьма разнообразны и имеют значительную ценность. Многие из его сообщений имеют значение научных открытий». Из Янова Стана он прислал статью «Остяко-самоеды Туруханского края».

В 1928 г. в семье Прокофьева рождается еще один ребенок, и семья возвращается в Ленинград. Ученый работает в Институте народов Севера, а через год уезжает на два сезона в Большеземельную тундру, где работает заведующим Хаседахардской культбазой краеведения Комитета Севера. В апреле 1929 г. в знак признания важности его трудов РГО избрало его своим членом. С 1930 г. он доцент Педагогического института им. Герцена, его приглашают заведовать сектором в Институт по изучению народов СССР.

Начиная с 1931 г. он публикует свои основные работы по самодийским языкам. В 1937 г. Научно-исследовательская ассоциация при Институте народов Севера издает том «Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов» — первый в 3-томной серии «Языки и письменность народов Севера», в котором Г. Н. Прокофьев представлен как автор четырех статей: «Ненецкий (юрако-самоедский) язык», «Селькупский (остяко-самоедский) язык», «Нганасанский (тавгийский) диалект», «Энецкий (енисейско-самоедский) диалект». С 1935 г. он профессор Института народов Севера, преподает в Педагогическом институте им. Герцена, Ленинградском историко-лингвистическом институте, затем в ЛГУ, где на кафедре этнографии ведет курсы этнографии народов Сибири и ненецкого языка.

В декабре 1937 г. Г. Н. Прокофьев был обвинен в проведении «буржуазно-националистических установок в языковом строительстве на Крайнем Севере», в связи с чем его сняли с должности заведующего сектором северных языков и уволили из Института народов Севера и Института языка и мышления. Достаточно напомнить, что все эти события разворачивались в течение почти полугода в конце 1937 — начале 1938 г., и будет понятно, что в такой ситуации ожидало ученого. Судьба, однако, была благосклонна к нему: обвинения не имели каких-либо серьезных последствий. С 1 октября 1939 г. он был зачислен в Институт этнографии АН СССР на должность заведующего Кабинетом Сибири, а с 17 февраля 1941 г. занял должность заведующего отделом Сибири. В институте он завершает фундаментальное исследование «Самодийские языки и проблема происхождения современных ненцев, нганасанов, энцев и селькупов», которую намеревался представить в качестве докторской диссертации. Выступая 28 мая 1940 г. на совещании Комиссии по этногенезу, которое проводилось в Ленинграде Отделением истории и философии АН СССР, он четко изложил план этой работы. Это уникальное исследование могло бы стать событием в мировом сибиреведении, но война нарушила все планы. Помимо учебников и работ по отдельным языкам Г. Н. Прокофьев успел написать и опубликовать свыше 40 научных трудов. Его статьи и материалы

были впоследствии использованы при подготовке тома «Народы Сибири» из 18-томной серии «Народы мира»²¹.

5 июля 1941 г. ученый пошел в Красную Армию добровольцем. Он предлагал использовать свое знание немецкого языка, но медицинская комиссия не могла рекомендовать его даже в качестве переводчика. В итоге Прокофьев был возвращен в институт. Его хотели эвакуировать из Ленинграда, но было уже поздно. Как рассказывали очевидцы, на почве страшной дистрофии у него возникло острое психическое расстройство. Диссертация не была защищена, многие рукописи утеряны, а сам автор трагически погиб. В конце апреля 1942 г. семья выехала в эвакуацию, обосновавшись в конце концов в Казани. Когда в эвакуированном в Ташкент институте узнали о гибели дома, в котором жили в Озерках Прокофьевы, в Ленинград 11 марта 1943 г. была отправлена телеграмма: «Срочно выясните райсовете судьбу архива Прокофьева дом снесен Абрамзон»²². В институте понимали ценность хранившихся там материалов. Однако архив ученого не удалось спасти...

В последний день января 1942 г. скончалась этнограф-славист *Надежда Неофитовна Тихоницкая*²³. Она родилась 9 августа 1897 г. в г. Орлове Вятской губ. В 1918—1926 гг. преподавала в школах Вятки французский и немецкий языки. Одновременно с 1920 г. училась на словесно-историческом отделении Педагогического института, который закончила в 1925 г. Ее дипломная работа «Изучение народного творчества в трудовой школе в свете краеведения» получила высокую оценку. Еще будучи студенткой и научным сотрудником Архивного бюро и Государственного музея г. Вятки, она начала заниматься научной работой. В 1926—1929 гг. проходила аспирантскую подготовку в ЛГУ при Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, а в 1930—1931 гг. продолжила ее в системе АН СССР; все эти годы ее занятиями по этнографии восточных славян руководил чл.-кор. АН СССР проф. Д. К. Зеленин. С сентября 1932 г. она работала в МАЭ, затем в Институте антропологии и этнографии АН СССР.

Начиная с 1921 г. Н. Н. Тихоницкая совершила свыше 10 экспедиций, связанных с исследованиями Этнографической секции при Вятском научно-исследовательском институте краеведения, Вятского исторического общества, РГО и МАЭ. В 1936 г. она участвовала в создании в МАЭ новой экспозиции по этнографии огнеземельцев, в связи с чем сделала в кабинете первобытного коммунизма обстоятельный доклад о технике хозяйства и экономических отношениях огнеземельского племени ягаи. Руководитель кабинета И. Н. Винников весьма положительно отозвался об освоении сотрудницей совершенно новой для нее темы. Основным направлением ее научных интересов была восточнославянская этнография. Помимо опубликованных работ ею был подготовлен ряд рукописей²⁴, в том числе статьи о русских и белорусах для сборника «Народы СССР». 20 ноября 1941 г. Н. Н. Тихоницкая обратилась к ректору ЛГУ с просьбой допустить ее к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук (по специальности этнография). Ею было завершено исследование на тему «Коллективные формы труда в сельской общине восточных славян». В ученый совет Тихоницкая передала все необходимые для защиты документы, но до этого события ей дожить не удалось.

Наиболее тяжелым был февраль 1942 г., в течение которого умерли 10 человек. 3 февраля скончались дворник *Иксян Ибрагимович Сафимов* (родился в 1894 г., работал в институте с 16 апреля 1938 г.)²⁵ и *Константин Алексеевич Пушкаревич*²⁶.

Последний родился 22 октября 1890 г. в Брест-Литовске Гродненской губ. После окончания в 1912 г. Гродненской гимназии поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет, где учился и специализировался под руководством проф. М. Г. Долобо, занимаясь польским и сербским языками. В декабре 1917 г. был оставлен при Петроградском университете для подготовки к профессорской деятельности по кафедре славянской филологии. Во время гражданской войны оказался в Томске, в 1918—1922 гг. работал там в местном университете,

вел занятия по славяноведению, сербскому и болгарскому эпосу и болгарскому языку. С мая 1922 г. К. А. Пушкаревич уже в Петрограде, он аспирант и научный сотрудник 2-го разряда Научно-исследовательского института им. акад. А. Н. Веселовского (в дальнейшем Институт речевой культуры).

14 сентября 1926 г. коллегия Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ за подписями директора института акад. Н. Я. Марра и ученого секретаря Н. Ф. Яковлева выдала К. А. Пушкаревичу удостоверение, признававшее его «право на ведение самостоятельной научно-исследовательской работы и преподавания в высших учебных заведениях Республики». О работах Пушкаревича высоко отзывались академики П. А. Лавров и Н. С. Державин. В 20—30-е годы он преимущественно изучает польско-украинские литературные взаимоотношения и национальные проблемы в современной славистике, руководит студенческим кружком по изучению современного славянства. Как белорус Пушкаревич принимает активное участие в деятельности клуба белорусского Дома народного просвещения. В различных научных аудиториях он выступает с докладами «Поляки в Сибири», «Из истории литовских татар», «Славянский институт в Праге, история его возникновения и деятельности» и др. С 22 сентября 1931 г. К. А. Пушкаревич — старший ученый хранитель Института славяноведения АН СССР, некоторое время служил в Институте языка и мышления, а с 1 июня 1939 г. он старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР. В 1938 г. в ЛГУ ученый защитил кандидатскую диссертацию, а 21 апреля 1940 г. за работу «Чехи в России» ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В августе-сентябре 1940 г. он совершил научную поездку в западные области Украины и Белоруссии, откуда, по отзыву Д. К. Зеленина, «привез очень обильный и ценный материал». 1 декабря 1941 г. К. А. Пушкаревича назначают заведующим отделом Европы ИЭ, но жить ему уже оставалось недолго...

5 февраля умерли В. А. Елкин, Е. П. Эмме и Г. М. Корсаков. *Василий Александрович Елкин*²⁷ родился в 1875 г. в дер. Лаврово Тверской губ. в крестьянской семье. В Петербурге служил во Французском консульстве, в МАЭ как препаратор с 10 июля 1924 г., с 1 января 1942 г. — старший рабочий. *Елизавета Прокофьевна Эмме*²⁸ родилась в 1894 г., работала в Институте народов Севера. В связи с начавшимся разгромом последнего с 1 сентября 1937 г. она в штате ИЭ, где с 1 декабря 1939 г. возглавляла фотонегатеку.

*Григорий Михайлович Корсаков*²⁹ родился 29 января 1909 г. в Петербурге в семье врача, личного почетного гражданина. В 1927 г. после окончания средней школы поступил на общественно-экономическое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена, но в январе 1930 г. перевелся на северное отделение, изучал корякский язык. В 1930—1933 гг. работал в органах народного образования Корякского национального округа. В 1933—1937 гг. он совершенствовал свое образование как лингвист-коряковед на лингвистическом факультете Ленинградского института истории, философии и лингвистики. С 1936 по 1941 г. — научный сотрудник лингвистической секции Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. В 1935—1936 гг. совершил несколько лингвистическо-этнографических экспедиций. В 1938 г. при поездке к туруханским кетам имел поручения от ИЭ. В 1940 г. окончил аспирантуру ЛГУ по специальности «палеоазиатские языки и языки североамериканских индейцев» и защитил в том же году по этой проблеме кандидатскую диссертацию. С 1 ноября 1941 г. Корсаков — ассистент кафедры этнографии филологического факультета ЛГУ, вел курсы этнографии палеоазиатов и корякского языка. С 15 января 1942 г. он был зачислен на должность и. о. старшего научного сотрудника отдела Сибири ИЭ. 19 января он сообщал в дирекцию ИЭ: «Рапортую, что с 20 января 1942 г. буду находиться в стационаре для истощенных в ЛГУ, где буду продолжать свою плановую работу для МАЭ». Через полмесяца его не стало.

9 февраля 1942 г. умер антрополог *Евгений Владимирович Жиров*³⁰. Он родился 29 марта 1908 г. в Симферополе в семье юриста, имевшего личное

дворянство. В 1925—1930 гг. — студент антропологического отделения географического факультета ЛГУ. С мая 1931 г. он по договору вел библиографическую работу по антропологии в Институте по изучению народов СССР, ее он продолжал в дальнейшем и в МАЭ, где стал работать с июля 1932 г. сначала научным сотрудником 2-го разряда, а с 1 февраля 1934 г. — 1-го разряда. Принимал участие в экспозиционных работах по вводу в отделу и анатомическим коллекциям Кунсткамеры. Когда Е. В. Жиров получил поручение провести инвентаризацию и регистрацию коллекций антропологического отдела и организовать их хранение, он прежде всего в течение полугода изучал в архиве АН СССР материалы, имеющие отношение к истории антропологического отдела и хранящихся в нем экспонатов. Там им была обнаружена неопубликованная рукопись акад. К. М. Бэра, имеющая большое значение для истории антропологии.

Оценивая проведенную Жировым работу, антрополог Б. Н. Вишневский писал: «В результате указанных выше работ выяснено происхождение многих ценных коллекций, установлена система регистрации и хранения, позволяющая в настоящее время в короткий срок находить среди коллекций нужный экспонат и все относящиеся к нему научные материалы и сопутствующие документы. При этом им лично и работавшими под его руководством научно-техническими сотрудниками составлено около 500 научных описей коллекций антропологического отдела и целиком реставрированы все требовавшие того коллекции антропологического отдела (около 5000 предметов)... Е. В. Жиров является исследователем, который зарекомендовал себя серьезным отношением к тем поручениям, которые он имел по музейной и научно-исследовательской линии, проявив при этом в научной работе элементы самостоятельного творчества».

Е. В. Жиров — активный участник многочисленных экспедиций, которые организовывались ЛГУ, Русским музеем, Зоологическим музеем, МАЭ, Институтом истории материальной культуры на Южный Урал, в Киргизию. Особенно часто бывал он в Крыму, где ему удалось в одной из пещер сделать важное открытие двойного погребения конца четвертичного периода.

Музейные и добытые в экспедициях материалы были положены в основу опубликованных или подготовленных им к печати работ³¹. Некоторые из них вышли из печати уже после войны, другие, очевидно, утрачены. Известно, что перед войной им была подготовлена и сдана в издательство работа «Об искусственной деформации головы у древнего населения территории СССР» (9 п. л.).

16 октября 1937 г. Е. В. Жиров был отчислен из Института этнографии ввиду реорганизации института и исключения из проблематики учреждения тем по антропологии; в 1937—1938 гг. работал в Институте истории материальной культуры и Государственном Эрмитаже. 11 июня 1938 г. он был восстановлен в должности младшего научного сотрудника Института этнографии. 12 декабря 1940 г. за образцовую работу по приведению в порядок фондов отдела антропологии, хорошую организацию учета и хранения, добросовестное отношение к своим обязанностям Е. В. Жирову была объявлена благодарность и выдана денежная премия.

Еще до войны Е. В. Жиров был признан негодным к строевой службе и не подлежал мобилизации. Тем не менее 25 июня 1941 г. он, прервав работу в Антропологическом институте при МГУ, вернулся в Ленинград и приступил к исполнению своих обязанностей. Помимо многочисленных обязанностей по сохранению объекта и коллекций с 15 октября 1941 г. на Е. В. Жирова были возложены обязанности начальника противохимической защиты объекта. Он тушил авиабомбы на крыше здания, постоянно находился при институте вплоть до своей смерти.

16 февраля 1942 г. умерла *Гайце Ш. Шакурова*³². Она родилась в 1916 г., в институте работала с 19 января 1939 г. сначала в должности препаратора, а затем старшего рабочего. 18 ноября 1940 г. приказом дирекции была премирована месячным окладом за прилежание и старательное отношение к своим обязанностям и помощь в работе научно-техническим сотрудникам.

17 февраля 1942 г. скончался этнограф *Александр Николаевич Кондауров*³³. Он родился 15 августа 1906 г. в Петербурге, в 1924 г. стал комсомольцем, участвовал в добровольческом отряде по ликвидации басмачества в Таджикистане. В 1926—1931 гг. — студент Ленинградского историко-лингвистического института, специализировался по этнографии, национальному вопросу и колхозному строительству в Средней Азии. Молодого специалиста в его занятиях наукой активно поддержал Н. М. Маторин. С 10 декабря 1931 г. принят в Институт по изучению народов СССР в качестве научного сотрудника 2-го разряда, работал в составе Таджикской комплексной экспедиции.

С образованием 15 февраля 1933 г. Института антропологии и этнографии АН СССР Кондауров — сотрудник по договору, а затем в штате института. В 1934, 1936 и 1938 гг. он ездил в экспедиции для изучения ягнобцев и припамирских народностей. В 1935 г. был удостоен четвертой премии по Ленинграду на конкурсе молодых ученых, организованном ЦК ВЛКСМ и АН СССР в связи с 20-летием Октября. Принимал деятельное участие в подготовке среднеазиатского тома сборника «Народы СССР» как его секретарь и один из авторов. 15 ноября 1935 г. на него было возложено исполнение обязанностей заведующего отделом Передней и Средней Азии. С 1 декабря 1938 г. по 1 января 1942 г. он был зачислен в аспирантуру без отрыва от производства. Под руководством И. Н. Винникова работал над диссертацией по теме «Патриархальная община и общинные дома у ягнобцев». Несмотря на активную работу в профсоюзной и партийной организации (с 1938 г. он кандидат, а с 1939 г. член ВКП(б)), большую научно-организационную деятельность (секретарь Кабинета Средней Азии), А. Н. Кондауров много и плодотворно работает, о чем свидетельствует даже неполный список его публикаций³⁴.

В сентябре 1941 г. его зачисляют в РККА, но буквально через несколько дней демобилизуют как непригодного к службе. 16 сентября 1941 г. на заседании ученого совета филологического факультета ЛГУ он успешно защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук (по специальности этнография), а с 4 ноября 1941 г. назначен исполняющим обязанности ученого секретаря института. Ему выписывалась справка о временном переводе на работу в другой город в связи с эвакуацией института, но по целому ряду причин он не смог уехать из Ленинграда. Он по-прежнему много работал, о чем свидетельствует его план на декабрь 1941 г.: «Литературное оформление раздела „Хозяйство горных таджиков“ — монография „Таджики“. Работу окончить к 1 января. Рабочие дни на дому: вторник, четверг (выходной за дежурство), суббота и воскресенье с 10 ч. утра до наступления темноты, в условиях электрического освещения до 10 ч. вечера». План на январь 1942 г.: «Завершение литературного оформления (после рецензирования) всех разделов монографии, падающих на меня. Срок 1 февраля. Рабочие дни и распорядок дня тот же, что и в декабре».

Жить, а значит, и работать становилось все труднее. 26 января 1942 г. А. Н. Кондауров слабеющей рукой написал заявление в местком: «Я не имею совершенно дров и никакого топлива. В домохозяйстве дров никаких нет и нет пока перспектив на их получение. Дома у меня холод, замерзает вода. Я сам тяжело болен — лежу в тяжелом состоянии. Прошу мне выдать сколько возможно дров, а также, если есть возможность, чего-нибудь горючего для освещения хотя бы копилкой. Кондауров. Подпись руки Кондаурова удостоверяю. 26/1 42. Упр. дом. (подпись)». Он работал до последних дней своей жизни, пока это было возможно...

В приказе № 18 от 22 февраля 1942 г. § 6 исключалась из списка сотрудников института в связи со смертью *Кира Александровна Большева*³⁵. Точной даты ее кончины не удалось установить. Очевидно, она скончалась вне института. К. А. Большева родилась в июне 1893 г. в Петербурге. В 1911—1918 гг. обучалась в Высшем училище технического рисования барона Штиглица. Получив после окончания его звание «художник прикладных искусств», она решила продолжить образование и в октябре 1919 г. поступила в Институт истории искусств. Там же училась в аспирантуре. В институте Большева слушала лекции таких известных

ученых, как академики Г. И. Котов и С. Ф. Ольденбург, профессора Н. Д. Флиттнер, О. Ф. Вальдгауер, А. А. Починков, К. К. Романов. 19 апреля 1923 г. она защитила работу на тему «Хрустальные приборы освещения в России в XVIII — начале XIX в.», после чего получила должность научного сотрудника 2-го разряда. В 1927—1937 гг. местом ее работы был Петергофский дворец-музей. С 16 апреля 1937 г. до начала августа 1941 г. Большева занимала должность старшего научного сотрудника отдела народно-художественных ремесел Русского музея, откуда была после начала войны уволена по сокращению штатов. Однако ей повезло, и в том же августе 1941 г. ее зачислили на должность реставратора, а уже 26 сентября перевели на положение младшего научного сотрудника Института этнографии, и она имела возможность продолжать свои научные занятия. Ветд 5 июня 1941 г. в ученом совете факультета истории искусств Академии художеств она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения на тему «Петербургские заводы художественного стекла». Вместе с тем она была включена в состав различных команд в институте, занятых охраной и обеспечением безопасности здания и коллекций. Сохранилось ее заявление в дирекцию института от 12 января 1942 г. «Ввиду того, что за смертью Г. И. Петрова освободилось место прикрепленного в академический зал столовой, прошу по возможности предоставить мне это место, так как стояние в больших очередях зала инженерно-технических работников мне не по силам». Шла суровая блокадная зима 1941—1942 гг. Многие не перенесли ее тяготы...

28 февраля ушла из жизни американист С. А. Ратнер, жена и помощница Л. Я. Штернберга³⁶. *Сара Аркадьевна Ратнер-Штернберг* родилась 30 июня 1870 г. в Могилеве в еврейской купеческой семье. Получив гимназическое образование и закончив в 1890 г. естественноисторическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, в 1891 г. переехала в Москву, где занималась педагогической деятельностью и сотрудничала в издании настольного «Энциклопедического словаря» Граната (готовила статьи по географии и этнографии). В 1895 г. заведовала четырехклассным еврейским женским училищем. 27 июня 1900 г. она вступает в брак с Л. Я. Штернбергом, и с этого времени супруги поселяются в Петербурге. Первые 10 лет С. А. Штернберг занималась переводом этнографической литературы с немецкого, французского и английского языков; некоторые из вышедших книг изданы под редакцией Л. Я. Штернберга. В те годы она состояла членом культурно-просветительской комиссии при Обществе распространения просвещения между евреями. Тогда педагогическая деятельность разрешалась только среди единоверцев, и она работала на вечерних курсах для взрослых работниц, учрежденных при этом обществе. Ею по собранным материалам подготовлена статья «Ремесленный и земледельческий труд среди евреев Северо-Западного края». В 1910 г. она начинает приватно работать как помощница Л. Я. Штернберга; с 1916 г. самостоятельно, как штатный работник, возглавила отдел Северной Америки МАЭ. В 1917 г. по его экспозиции она опубликовала путеводитель.

С 1917 г. С. А. Штернберг — научный сотрудник МАЭ 1-го разряда. В 1925 г. участвовала в реконструкции отдела Сибири и восстановлении отдела Северной Америки. 17 августа 1929 г. переведена на должность ученого хранителя, а через 4 месяца назначена этнографом МАЭ, 15 февраля 1933 г. при создании Института антропологии и этнографии АН СССР — старшим этнографом МАЭ. 15 июня 1935 г. президиум АН СССР присудил С. А. Штернберг без защиты ученую степень кандидата этнографии. В 1934 г. она назначается заведующей отделом Северной Америки музея. 8 февраля ей присваивается ученое звание старшего научного сотрудника.

Вплоть до самой кончины Л. Я. Штернберга 14 августа 1927 г. она всемерно помогала ему во всех его делах, а впоследствии много сделала для издания трудов своего покойного супруга: в издательстве Института народов Севера вышла в 1933 г. его монография «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии», а в 1935 г. — «Первобытная религия». С. А. Штернберг — автор ряда статей и мемуаров о

Л. Я. Штернберге, некоторые из них до сих пор не опубликованы и хранятся в архиве. Было запланировано издание 5-томного собрания научных трудов Льва Яковлевича, в подготовке которого Сара Аркадьевна играла ведущую роль, но война сорвала эти планы, хотя работа по подготовке текста уже близилась к концу. Для 2-томника по этнографии народов зарубежных стран, подготовленного в довоенные годы в Институте этнографии АН СССР, ею были написаны две статьи: «Индейцы Центральной Калифорнии», «Индейцы Северо-Запада — тлинкиты и хайда».

С. А. Штернберг — автор более 30 работ по этнографии народов Северной Америки. Значителен ее вклад в научное изучение богатейших коллекций МАЭ по североамериканским идеям³⁷.

Несмотря на тяготы военного времени и возраст, С. А. Штернберг упорно продолжала трудиться. Вместе с Е. Э. Бломквист и М. В. Степановой они готовили специальный сборник и научную конференцию, посвященную 450-летию открытия Америки (ее проведение планировалось на октябрь 1942 г. как мероприятие АН СССР).

В архиве исследовательницы хранится написанная карандашом на маленьком блокнотном листке расписка: «Я, начальник боепитания 1-й роты 277 Отдельного артил.-пулеметного батальона Лавров Л. И., принял от гр. Штернберг Сары Арк. 1 бинокль системы Цейца и 1 подзорную трубу для использования их в своей части. 25.8.41. Л. Лавров». Это был посильный вклад С. А. Штернберг в условиях блокады в оснащение бойцов-защитников города. Это были мемориальные вещи ее мужа, дорогие для нее как память...

Очевидцы рассказывали, что зимой 1942 г. С. А. Штернберг особенно тяжело болела, не могла сдерживать стонов. Не желая причинять беспокойствие окружающим коллегам, с которыми она жила в подвальной комнате музея, она выбрала момент, когда все ушли на свои служебные посты, и подохла себя. Ожоги только ускорили кончину. Через 4 месяца после этого трагического случая на имя директора Института этнографии АН СССР пришла заказная почтовая открытка следующего содержания. «Не откажите сообщить о судьбе моей матери, Вашей сотрудницы, Сары Аркадьевны Штернберг. Если, как я предполагаю, она умерла, то от какой причины, при каких обстоятельствах и прочее. Адрес мой: Кисловодск Орджоникидзевского края. Вокзал. До востребования. Штернбергу Аркадию Львовичу. 28 июня. А. Штернберг»³⁸.

Эта открытка написана сыном Л. Я. и С. А. Штернбергов. Мне неизвестно, написали ли ему о судьбе матери, о которой он так беспокоился. Неизвестна также и судьба автора этой открытки...

В марте умерло пять человек. 5 марта 1942 г. умер океанист Александр Брониславович Пиотровский³⁹. Он родился 23 мая (ст. ст.) 1888 г. в г. Ветлуга Костромской губ. в дворянской семье. В 1913 г. окончил Петербургский университет по юридическому и экономическому факультету, но потом специализировался по этнографии далекого австралийско-океанического региона. Он, очевидно, понимал, что работать ему придется исключительно с опубликованными и архивными материалами, поскольку он был глухонемым. На работу в МАЭ его 1 января 1917 г. еще принимал акад. В. В. Радлов. Это было первое и единственное в его жизни место работы. В 1925 г. президиум АН СССР утвердил его в звании старшего научного сотрудника, а в 1935 г. присвоил ему без защиты степень кандидата общественных наук (этнографии). Круг его научных интересов — этнографическое австраловедение, первобытные верования⁴⁰. С 1925 г. он заведовал отделом Австралии и Океании МАЭ, но решением пленума комиссии по проверке аппарата АН СССР 20 ноября 1929 г. был освобожден от административных обязанностей. Правда, по просьбе директора МАЭ акад. Е. Ф. Карского ему было сохранено право работать в Музее по специальности. А. Б. Пиотровский принимал участие в создании ряда тематических выставок в МАЭ, входил в состав авторского коллектива 2-томника по этнографии зарубежных стран. Большую работу провел А. Б. Пиотровский по изучению и

публикации научного наследия великого русского гуманиста и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. С началом войны активно участвовал в спасении уникальных австралийских и океанистских коллекций музея, в сохранении здания и т. д. 9 февраля 1942 г. институт обратился в больницу им. Видемана с просьбой «оказать медицинскую помощь и поместить на излечение в больницу старшего научного сотрудника института кандидата этнографии А. Б. Пиотровского, находящегося по состоянию своего здоровья в крайне тяжелом состоянии»⁴¹. 3 марта сотрудница института К. В. Вяткина отнесла ему в больницу продовольственные карточки на март по группе «рабочая»...

7 марта 1942 г. скончалась дезинфектор *Ольга Никитична Бумагина*⁴². Она родилась в 1893 г. в русской крестьянской семье. Окончив в Костроме ремесленную школу, переехала в Ленинград. В Институте этнографии работала с 29 ноября 1936 г. в должности научно-технического сотрудника, с 1 января по 14 сентября 1940 г. исполняла обязанности заведующего отделом фондов. После начала войны работала на строительстве загородных оборонных сооружений, дежурила на различных участках в здании института, выполняла самые разнообразные виды работ по обеспечению сохранности здания и коллекций. С 1 января 1942 г. была переведена на должность дезинфектора.

7 марта умерла дезинфектор *О. Н. Драмова*⁴³. 12 марта скончалась библиотекарь *Елена (Эмма) Мавриковна Кубиш*⁴⁴. Она родилась 18 сентября 1879 г. в Самаре. В 1900 г. закончила 7 классов школы при Смольном институте, в педагогических классах же самого института она училась всего один год и поэтому в графе об образовании всегда писала «незаконченное высшее». Очевидно, благодаря домашнему образованию и своим способностям она прекрасно знала четыре иностранных языка. Начав в 1909 г. трудовую деятельность в канцелярии МАЭ, она ведала иностранной перепиской музея, которая в те годы была довольно интенсивной. Одновременно работала в библиотеке МАЭ, состояла научным сотрудником 2-го разряда. Благодаря ее обширным и уникальным знаниям в области библиографии и библиотековедения ее приглашали на работу в другие специализированные научные библиотеки города, например библиотеку ленинградского Восточного института им. А. С. Енукидзе. Хотя с 1934 г. по новому штатному расписанию Кубиш состояла сотрудником библиотеки АН СССР, куда были переведены все библиотечные работники институтов Академии, она продолжала дело своей жизни в родной ей библиотеке и коллективе этнографов Института антропологии и этнографии АН СССР. Здесь весьма ценили ее деловые профессиональные качества, ответственное отношение к работе, доброжелательное отношение к сотрудникам.

В связи с исполнившимся 1 октября 1939 г. 30-летием ее работы в библиотеке МАЭ-института заведующий библиотекой, чл.-кор. АН СССР проф. Д. К. Зеленин обратился к директору института акад. В. В. Струве с представлением, в котором, в частности, писал: «Прошу откликнуться приказом на редкий в нашем институте юбилей и возбудить ходатайство перед БАН о переводе Е. М. Кубиш в старшие библиотекари». Когда началась война, Е. М. Кубиш, несмотря на возраст, принимала посильное участие в работе по охране здания МАЭ и его богатств. Но пережить тяжелый первый год блокады ей не удалось, и ее имя по праву значится на мемориальной доске в музее среди имен погибших в блокаду сотрудников института.

9 марта прямо за письменным столом скончалась сибиревед *Нина Александровна Вальронд*⁴⁵. Она родилась в октябре 1895 г. в Самаре в дворянской семье. В 1897 г. скончался глава семьи, и девочку послали в 1906 г. учиться в Николаевский сиротский институт, который она закончила в 1913 г. Вальронд прошла двухгодичные педагогические курсы при нем, получив звание преподавателя новых языков. В 1915—1917 гг. обучалась на юридическом отделении Высших женских (Бестужевских) курсов, но революционная ситуация 1917 г. заставила ее уйти со второго курса. Осенью 1917 г. она уже преподаватель женской гимназии Тихонравовой в Томске, зимой и осенью 1918 г. — преподаватель немецкого языка в правительственной женской гимназии в г. Верхнеудинске. Летом 1918 г. Вальронд

совершила первую экспедиционную поездку к курумийским гольдам, в 1919 г. повторила поездку к гольдам на средства Института исследования Сибири. В 1919/20 учебном году она преподавала немецкий язык во Второй женской гимназии Хабаровска, летом 1920 г. вновь совершила поездку к гольдам по командировке Приамурского отдела РГО. В 1920/21 учебном году Вальронд преподавала французский и немецкий языки в Высших начальных училищах — Тургеневском и Унтербергеровском в Хабаровске, а с сентября 1921 по июль 1922 г. она секретарь и заместитель представителя Миннацдел ДВР для Приморской, Приамурской и восточной части Амурской губ. В 1921 г. у нее состоялась уже командировка к гольдам по заданию Миннацдел правительства ДВР в связи с разработкой вопросов письменности. В 1922/23 учебном году она опять преподаватель французского и немецкого языков в гимназии Шарлова в Чите и на курсах новых языков для группы преподавателей при бывшем Реальном училище. В 1925/26 учебном году вела занятия с группой туземцев-курсантов при крайсовпартшколе.

В 1926 г. состоялась командировка к гольдам по линии ДалькрайОНО для сбора материала по языку гольдов и написания букваря и первой книги для чтения для этой народности. В 1926/27 гг. временно работала старшим статистиком отдела демографической статистики, а затем отдела разработки переписи населения при ДВК СУ. Ее знания в области этнографии помогали ей в этой сложной работе. Так, в 1927 г. она выезжала по заданию статуправления края к ульчам и гилякам Лимана для внесения необходимых исправлений в переписной материал этого района. Плодотворно прошли 1928—1932 гг.: заключив договор с ДалькрайОНО, Вальронд трудилась над составлением и написанием сравнительного словаря основных говоров гольдского и ульчского языков по лексическому материалу гольдского букваря, для чего она в эти годы предприняла четыре поездки в районы компактного проживания носителей этих говоров, в том числе в 1931 и 1932 г. на собственные средства.

В 1928 г. в Хабаровске были опубликованы составленные ею первая грамматика и букварь на гольдском языке. В этот период ее интересовала такая научная тема, как увязка хозяйственных и языковых процессов у маньчжуро-тунгусов нижней части бассейна Амура. С 1 февраля 1933 г. по 1 октября 1935 г. Вальронд преподавала немецкий язык при Доме Красной Армии в Хабаровске и в воинских частях гарнизона, вела занятия по гольдскому языку с группой педагогов Хабаровской педагогической лаборатории. В ее преподавательской, практической и исследовательской работе ей помогало хорошее знание французского, немецкого, английского, гольдского, ульчского, сагагирского, ороцкого, тунгусского и отчасти негидальского языков. С 1 декабря 1935 г. по договору с Институтом антропологии и этнографии АН СССР вместе со своим мужем А. Н. Липским совершает поездку к гольдам, которая благополучно завершилась в конце 1937 г. После ареста супруга в августе 1938 г. она вместе с сыном Сергеем уезжает в Ленинград, где с 13 декабря 1938 г. становится младшим научным сотрудником Кабинета Сибири.

Хотя Н. А. Вальронд-Липская начала публиковаться в 1925 г., когда в «Живой сибирской старине» были опубликованы ее материалы по этнографии гольдов, возможность сконцентрироваться на научно-исследовательской работе она обрела только в Ленинграде. Она активно включилась в работу по подготовке статей, в частности о нанайцах (гольдах) для тома «Народы Сибири». Приказом по институту от 29 апреля Н. А. Липской за своевременное выполнение и высокое качество статей для сборника «Народы СССР» была объявлена благодарность. Перед войной увидела свет только одна ее статья⁴⁶, другая вышла уже после войны, спустя 14 лет после ее гибели⁴⁷.

На ее плечи легли тяжелой ношей все трудности жестокой зимы 1941—1942 гг., которую пережить у нее не хватило физических сил.

В сентябре 1942 г. на имя секретаря Института этнографии пришла в Ленинград почтовая открытка следующего содержания: «Уважаемый товарищ! Научным сотрудником Института этнографии Академии наук работала Липская

Нина Александровна, проживавшая по пр. Маклина, д. № 31, кв. 22. В начале апреля 1942 г. сын Сережа сообщил: „Мамы нет. Как быть с квартирой“. После этого и Сережа замолчал. На ряд запросов письменных и телеграфных не отвечает.

Убедительнейше прошу Вас: умоляю, установите, что случилось с Липской, с Сергеем, и независимо от того, что с ними произошло (я готов к получению самого ужасного), сообщите мне возможно подробнее. Письма идут очень медленно, а потому прошу Вас коротко телеграфируйте.

Мой адрес — Суражевка Амурской области, Суражевский ОЛП НКВД Липскому Альберту Николаевичу. Поймите мое беспокойство. Помогите мне. А. Липский. 6/IX-42 г.»⁴⁸.

Говорят, не в пример жене супруг был жесткий человек. Но здесь совершенно явно: человек переживал тяжелую драму, особенно если учесть, что он только что вышел на свободу после 5-летнего заключения. Но судьба отца и сына — это уже другой сюжет...

В апреле 1942 г. смерть унесла одного человека. 2 апреля умерла музейный работник *Вера Васильевна Екимова*⁴⁹. Она родилась 22 августа (ст. ст.) 1880 г. в Царском Селе. После окончания в 1896 г. патриотической школы до 1901 г. жила в общежитии Общества попечения о девушках-работницах в Санкт-Петербурге и ходила поденно работать белошвейкой и одновременно поступила конторщицей в мастерскую Взаимного благотворительного общества. Потом она работала в различных учреждениях: в книжных магазинах, в Лиговском народном доме... Незабываемое на всю жизнь впечатление оставила поездка в мае-июне 1914 г. с московской училищной экскурсией по городам Италии, ей довелось осмотреть достопримечательности Рима, Флоренции, Неаполя, Венеции. В 1918 г. она сдала экзамен за 7 классов женской гимназии и поступила в Петрограде в Археологический институт. Одновременно в 1919—1921 гг. работала в Русском музее по отделу русской этнографии под руководством проф. К. К. Романова сначала как регистратор Этнографического отдела, а затем научным работником 2-го и 1-го разряда.

По окончании Археологического института была оставлена научным сотрудником при Археологическом кабинете института, а после слияния института с университетом перешла в последний, где работала до 1924 г. В 1924 г. сдала экзамены за университетский курс факультета общественных наук ЛГУ и затем до 1931 г. работала там ассистентом. В 1926—1930 гг. еще состояла слушательницей Государственного института истории искусств, но не закончила его, уйдя с 4-го курса. С января 1931 г. она стала трудиться в Этнографическом отделе Русского музея, где была избрана действительным членом музея, а с 1 сентября 1932 г. заместителем заведующего отделом. Крупный тюрколог акад. А. Н. Самойлович отзывался о ней «как о чрезвычайно ценном работнике, объединяющем в себе серьезные научные интересы со способностями популяризатора». Последнее, очевидно, относилось к ее экскурсоводческой деятельности в политпросветотделе Этнографического отдела.

В. В. Екимова отличалась большой активностью в общественной работе, к этому ее обязывала партийность (она еще в 1927 г. вступила в партию). О своей деятельности здесь она писала позднее: «За время пребывания в музее мной совместно с зав. отд. Н. Г. Талановым проведена работа по расслоению научных сотрудников музея и выявлению чуждых элементов». В 1932—1934 гг. она серьезно болела и даже получила инвалидность, но с 15 февраля 1934 г. выступает как научный сотрудник 2-го разряда МАЭ с возложением на нее обязанностей секретаря музейной комиссии. В дальнейшем в зависимости от штатного расписания Екимова занимала должности научного сотрудника 1-го разряда, младшего и старшего сотрудника. В 1937 г. ею были составлены инструкции по учету и регистрации музейных объектов. С мая 1938 г. по февраль 1941 г. она заведует Отделом Передней и Средней Азии, а с 17 февраля 1941 г. — помощник заведующего этого отдела по музейной работе⁵⁰.

В начале войны она попыталась эвакуироваться, но с 1 октября 1941 г. восстановилась на работе в институте и вместе с оставшимися сотрудниками все свои

силы отдавала сохранению музея и его коллекций. Еще в марте 1926 г. один из ее учителей проф. К. К. Романов писал о ней: «Она очень хороший музейный работник и точный исследователь». Всей своей жизнью и деятельностью она подтвердила эту высокую оценку. Она всецело посвятила себя музейной деятельности, занималась изучением среднеазиатских, особенно бухарских, тканей. И хотя ее научные труды немногочисленны, они сохраняют свое значение и сейчас. Не случайно, что некоторые из них увидели свет уже через много лет после кончины автора⁵¹.

В мае 1942 г. не стало двоих. 10 мая умерла старший рабочий Анна Андреевна Луканина⁵². Она родилась в 1892 г., работала в МАЭ с 17 февраля 1931 г. в должности препаратора. 10 марта 1941 г. в связи с исполнившимся 10-летием ее трудовой деятельности в музее приказом директора института было отмечено ее добросовестное отношение к делу. А. А. Луканина получила благодарность и денежную премию. С началом войны она участвовала в строительстве оборонительных сооружений города. С закрытием музея Луканина была переведена на должность старшей рабочей, дежурила в звеньях противопожарной безопасности, в ремонтных работах и т. д. Часто болела, но, казалось, пережила благополучно тяжелую зиму 1941—1942 гг. Однако ее последние все-таки дали о себе знать...

В мае 1942 г. скончался индолог Валерий Евгеньевич Краснодембский⁵³. Он родился 2 (15) декабря 1907 г. в Кагуле Бессарабской губ. в семье юриста. После окончания Одесского (Новороссийского) университета Краснодембский уехал работать в Ташкент, поэтому его детство и юность (1911—1926 гг.) прошли в Средней Азии. После окончания в 1925 г. 9-летней школы в 1926—1930 гг. обучался на индийском отделении ленинградского Восточного института. С дипломом индолога в 1930 г. он был направлен на работу в Узбекистан на узбекском рабфаке. В 1931 г. служил в Красной Армии, но был уволен в долгосрочный отпуск как командир запаса. В 1931 г. возвращается в Ленинград. С 1 ноября 1931 г. по 15 мая 1932 г. он помощник ученого секретаря Института языка и мышления, а с 1 августа 1932 г. переходит в Восточный институт, где первые полтора года работает заведующим индийским и афганским отделами библиотеки, а с 1 октября 1932 г. начинает преподавать маратхский язык.

Работая в институте до 1938 г. (с 20 августа 1935 г. в должности доцента), он впервые в нашей стране поставил преподавание и провел исследования по маратхскому языку. В 1935 г. был издан его «Маратхско-русский и русско-маратхский словарь». В 30-е годы было сильно развито совместительство, и 15 октября 1933 г. его учитель проф. А. П. Баранников дает ему отзыв, в котором, в частности, говорит: «В годы учебы тов. В. Е. Краснодембский показал себя человеком исключительной добросовестности и больших способностей... Обширные познания т. В. Е. Краснодембского в области индологии делают его вполне пригодным для выполнения работы научного сотрудника МАЭ».

С 15 декабря 1933 г. его зачисляют научным сотрудником 2-го разряда в штат Института антропологии и этнографии, а с 1 марта 1934 г. уже переводят в категорию научных сотрудников 1-го разряда. Здесь он приступает к работе над диссертационной темой «Социальная структура племен мунда (разложение родового строя)», для которой им были подготовлены две крупные статьи: «Гермины родства у племен мунда» и «Брак и семья у племен мунда». Предполагалось, что они в переработанном виде войдут в качестве глав в диссертацию. Это были первые столь крупные работы по этнографии мунда на русском языке. Научный куратор и заведующий Кабинетом Индии, Индонезии и Дальнего Востока В. А. Чатопада 15 октября 1936 г. так оценивал работу своего подопечного: «С дальнейшим усвоением теоретических вопросов этнографии и литературы по Индии он, несомненно, сможет стать ценным специалистом в своей области... Он имеет очень хорошее знание языков Хиндустани (урду и хинди), маратхи, англ. и персидского и, кроме того, читает по-немецки и по-французски». Работая в институте, Краснодембский изучает музейные коллекции по Индии, водит экскурсии по музею.

Очевидно, общиндологические интересы, в том числе лингвистические,

привели его к мысли о необходимости перейти в Институт востоковедения. С 1 ноября 1937 г. по собственному желанию и по договоренности с академиком-секретарем Отделения общественных наук акад. А. М. Дебориным В. Е. Краснодембский переводится из Института этнографии в Институт востоковедения на должность научного сотрудника. Основная работа здесь была связана с подготовкой «Урду-русского словаря»⁵⁴. Тогда в Институте востоковедения проводилась работа по подготовке целого ряда восточных словарей. Здесь исследователь работает до 1942 г. С 1934 г. В. Е. Краснодембский преподавал индийские языки в ЛГУ. С университетом он решил после тяжелой блокадной зимы 1941—1942 гг. эвакуироваться в Саратов, но ослабленный организм не выдержал еще и трудностей переезда. Снятый с поезда в Пензе, он скончался там в мае 1942 г. в местной больнице.

Несмотря на уход из Института этнографии АН СССР, В. Е. Краснодембский поддерживал с сотрудниками кабинета и отдела тесные творческие и личные связи. Он вел занятия по индийским языкам с аспирантом института М. К. Кудрявцевым. Очевидно, этим объясняется то, что его имя значится на доске сотрудников Института этнографии, погибших в блокаду.

21 июня умерла вахтер *Ольга Кирилловна Кузнецова*⁵⁵. Она пришла в здание по Университетской набережной, д. 3 после первой блокадной, самой тяжелой зимы и была зачислена на работу только 4 апреля 1942 г. Канцелярия института даже не успела заполнить на нее служебную личную карточку, так как О. К. Кузнецова скончалась.

26 декабря 1942 г. умерла дворник *Александра Никифировна Старикова*⁵⁶. Она родилась в 1884 г., трудилась в различных учреждениях города, пришла в институт, когда самые тяжелые дни блокады были уже позади, миновало первое блокадное лето. Ее зачислили на работу с 22 сентября 1942 г. Оказалось, что последствия пережитого года все-таки дали о себе знать...

На мемориальной доске среди погибших в блокаде значатся несколько фамилий, смерть которых не подтверждается приказами по институту, их дальнейшая судьба просто неизвестна.

Баевич Галина Григорьевна, 1923 г. рождения, работала в институте с 21 февраля 1939 г. в Отделе антропологии и археологии, уволена с 23 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ института⁵⁷.

Гнесина Мария Владимировна, 1887 г. рождения, поступила на работу в институт 28 мая 1941 г. на должность старшего научно-технического сотрудника (происходила из семьи личного дворянина, в 1912 г. закончила биологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов), уволена с 21 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ в институте⁵⁸.

Гуцина Олимпиада Васильевна, 1902 г. рождения. В институте работала с 27 марта 1930 г., с 1 июня 1940 г. в должности реставратора. Уволена с 18 ноября 1941 г. согласно личному заявлению⁵⁹.

Козлов Леонтий Мартынович, родился в 1875 г. в крестьянской семье в Ярославской губ., в институте служил с 5 марта 1935 г. в должности вахтера. Освобожден от работы с 6 апреля 1942 г. ввиду истечения двухмесячного срока невыхода на работу по болезни (ст. 47 КЗОТ). Дальнейшая судьба неизвестна⁶⁰.

Самсоненко Ефим Федорович, родился в 1868 г., работал в институте с 13 сентября 1934 г. в должности вахтера, уволен с 22 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ в институте. В 1942 г. он вновь вернулся на службу, но с 8 марта 1943 г. отчислен⁶¹.

За давностью времени трудно понять скупые строчки приказа, скрывающие судьбы, может быть, тогда еще живых людей. Одним из поводов для увольнения было «отчислить из списка сотрудников института в связи с двухмесячным невыходом на работу по болезни». Так, с 5 марта 1942 г. по этой причине был отчислен *Павел Александрович Смелов*⁶². Он родился в 1874 г. в Татарии, в г. Чистополе в семье русского православного священника. Сначала учился в духовной семинарии, а затем получил профессию художника-реставратора, работал в МАЭ и в ГАИМК. 24 ноября 1941 г. был назначен комендантом здания Кунсткамеры,

вскоре заболел, а через два месяца уволен как невышедший на работу после болезни. К счастью, он не погиб, ему с семьей удалось эвакуироваться, о чем он своевременно не поставил в известность институт. После войны, как свидетельствуют архивные материалы, он просил институт помочь ему вернуться в Ленинград. Но столь подробные, уточняющие события материалы имеются отнюдь не обо всех сотрудниках.

Приведу еще несколько других выписок из приказов по институту. *Елена Игнатьевна Зинюк*⁶³ родилась в 1921 г. в г. Боготол Томской обл. Польша. Училась в ленинградском Институте инженеров коммунального строительства. С 1 сентября 1942 г. зачислена на должность научного-технического сотрудника Института этнографии. С 9 ноября 1942 г. отчислена в связи с истечением двухмесячного срока, дававшего на законных основаниях право не выходить на работу.

*Валентина Петровна Леонтовская*⁶⁴ родилась в 1904 г. в Петербурге, русская, дочь профессора. Окончила в 1924 г. биологический факультет Высшего института народного образования. В Институт этнографии была зачислена в один день с Е. И. Зинюк на одинаковую с нею должность. Однако в ее личной карточке нет никаких других записей, позволяющих судить о ее дальнейшей судьбе.

*Татьяна Васильевна Кристман*⁶⁵ родилась в 1892 г. в Латвии в русской крестьянской семье. До 1935 г. домохозяйка, но с 28 октября была зачислена на работу в Институт антропологии и этнографии на должность телефонистки. Отчислена с 15 июня 1942 г., однако в дальнейшем была восстановлена, но уже в должности вахтера. Приказом по институту за № 37 от 13 июня 1943 г. Т. В. Кристман ввиду истечения четырехмесячного срока невыхода на работу по болезни была освобождена от обязанностей в институте с 1 июня 1943 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

*Прасковья Емельяновна Васильева*⁶⁶ родилась в 1910 г. в Санкт-Петербургской губ. в русской крестьянской семье, работала в колхозе. 4 июля 1940 г. зачислена в штат Института этнографии на должность препаратора, с 1 февраля 1942 г. — старший рабочий. Уволена с 8 апреля 1942 г. в связи с эвакуацией. Удалось ли ей уехать из блокадного города, неизвестно.

*Мария Гавриловна Гостиловская*⁶⁷ родилась в 1911 г. В Институт этнографии пришла 20 октября 1938 г. на должность научного-технического сотрудника Отдела антропологии. Уволена с 22 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ в институте.

*Эмилия Борисовна Габер*⁶⁸ родилась в 1901 г. в Херсоне в еврейской семье. В 1919 г. окончила гимназию. С 25 января 1932 г. начала работать в системе АН СССР, с 4 марта 1939 г. — заведующая канцелярией Института этнографии. Уволена с 27 августа 1941 г. также в связи с уменьшением объема работ в учреждении.

Всего в первые военные месяцы по сокращению штатов, в связи с эвакуацией или по собственному желанию из института было уволено около 20 человек. Увольнения в научных учреждениях Академии наук блокадного Ленинграда продолжались до весны 1942 г. Свидетель тех событий Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях о том времени и тех событиях пишет: «Самым страшным было постепенное увольнение сотрудников... Увольнение было страшно, оно было равносильно смертному приговору: увольняемый лишался карточек, поступить на работу было нельзя»⁶⁹. Так что от попыток подсчитать точное количество погибших даже только сотрудников Института этнографии АН СССР в блокадном Ленинграде пока придется отказаться.

Мы отдаем долг памяти, чтим бессмертный подвиг и преклоняемся перед великим беспримерным мужеством тех, чьи имена удалось установить, и тех, кто остался неизвестен для потомков.

Примечания

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН), Ф 142. Оп. 1. (1942). Д. 5. Л. 9.

² Там же. Д. 32. Л. 18.

³ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 105; 271; 391; 426. Л. 28; Ф. 222. Оп. 2. Д. 147. Архив МАЭ. Ф. 3.

⁴ *Дыренкова Н. П.*: Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов // Сб. этно-

- графических материалов. Л., 1927. № 2. С. 3—25; Культ огня у алтайцев и телеутов // Сб. МАЭ. Т. 6. 1927. С. 63—78; (совместно с Л. П. Потаповым). Озун и абыл — хозяйственные орудия народов Кузнецкой тайги (из области первобытной культуры турецких племен) // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 3. С. 103—123; Птица в космогонических представлениях у турецких племен Сибири // Там же. 1929. № 4. С. 119—126; Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сб. МАЭ. Т. 9. 1930. С. 267—291; Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // Сов. этнография. 1936. № 6. С. 70—84; Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Там же. 1937. № 4. С. 18—45; Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. (Духи emegender okokelner) // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 123—145; Шорский фольклор. М.; Л., 1940; Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ. Т. 10. 1949. С. 107—190; Охотничьи легенды кумандинцев // Там же. Т. 11. 1949. С. 110—132.
- ⁵ Выдающийся монголовед Н. Н. Поппе поместил библиографические сведения о Н. П. Дыренковой среди материалов о самых выдающихся алтайцах, таких, как В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, А. Д. Руднев, Б. Я. Владимиров, А. М. Кастре, Г. Рамстед и др. См. *Poppe N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965. P. 109.*
- ⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 52.
- ⁷ Там же. Л. 4.
- ⁸ Об А. Н. Генко см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63970; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 151; ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4994; Ф. 142. Оп. 5. Д. 256, 426; Л. 20; Ф. 302. Оп. 2. Д. 56; Страницы отечественного казавождения. М., 1992.
- ⁹ *Генко А. Н.: О языке убыхов // Изв. АН СССР. VII серия. Отделение гуман. наук. Л., 1928. С. 227—242; Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие. // Там же. № 4. Л., 1929. С. 317—342; О названии «плуга» в северокавказских языках // Доклады АН СССР. В. № 7. Л., 1930. С. 128—135; Из культурного прошлого ингушета // Зап. Коллегия востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5. С. 681—761; Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 2. Ч. 1. Л., 1933. С. 21—36; Задача этнографического изучения Кавказа // Сов. этнография. 1936. № 4—5. С. 6—20; Арабский язык и казавождение // Тр. второй сессии Ассоциации арабистов. М.; Л., 1941. С. 81—110; Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955.*
- ¹⁰ *Генко Г. А. Цело № 3433-41 на Генко Анатолия Нестеровича // Уроки гнева и любви. Вып. 3. Сб. воспоминаний о годах репрессий (20-е — 80-е гг.). СПб., 1992. С. 63.*
- ¹¹ Там же. С. 68—69.
- ¹² Попутно замечу, что в период войны были репрессированы и некоторые другие этнографы, работавшие в других этнографических учреждениях. Таким образом, репрессии не прекращались и во время войны.
- ¹³ Об А. Н. Юзефовиче см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 186; 381; 425; 426. Л. 110.
- ¹⁴ *Юзефович А. Н. Антропологическая секция Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Сов. этнография, 1936. № 1. С. 146—147; Рец.: Быховский А. Расы и происхождение человека. 1934 // Там же. С. 183—188; рец.: Гинзбург В. В. Горные таджики. М., Л., 1937 // Природа. 1937. № 9. С. 143—144; Два типа якутских черепов // Антропологический журнал. 1937. № 2. С. 65—78; Новые палеоантропологические находки // Природа. 1938. № 5. С. 101—104; Кисть неандертальца // Там же. № 9. С. 37—46; Сизантроп и его положение в системе гоминид // Там же. 1939. № 1. С. 35—45; Полвека поисков питекантропа // Там же. № 3. С. 82—86; Перерывы востепенности в эволюции человека // Там же. № 11. С. 66—74; Наука и религия о происхождении человека. Л., 1939; Ископаемые южноафриканские антропоиды // Природа. 1940. № 5. С. 49—57; Древние черепа из окрестностей озера Лоб-Нор // Сб. МАЭ. Т. 10. С. 303—311; К краниологии долган // Там же. С. 312—322.*
- ¹⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 66.
- ¹⁶ О Г. И. Петрове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 333; 411; 426. Л. 72; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 5. Д. 242; 506. Там же хранится список его работ. См., в частности, *Петров Г. И. Я. Штернберг как антрополог // Изв. АН СССР. Л., 1930. С. 1079—1088; Материалы Бурято-Монгольской антропологической экспедиции 1931 г. Ч. I. Обзор работ экспедиции. Составлен начальником экспедиции Г. И. Петровым при участии А. Н. Редькиной и С. Т. Серлунина. Л., 1933. Расовая теория на службе у фашизма // Тр. ГАИМК. Вып. 95. М.; Л., 1934.*
- ¹⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 46.
- ¹⁸ Там же. Фонд 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 20.
- ¹⁹ Там же. Д. 20. Л. 14.
- ²⁰ О Г. Н. Прокофьеве см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 68748; ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1715; Ф. 142. Оп. 5. Д. 153; 335; 414; 426. Л. 74; *Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 35—98; Володина В. Н. Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. № 4. С. 172.*
- ²¹ *Прокофьев Г. Н.: Остатко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 96—103; Церемония оживления бубна у остатко-самоедов // Изв. ЛГУ. Т. II. 1929. С. 365—373; К вопросу о переходном залоге в самоедских языках (1934) // Сб. статей памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Л., 1937. С. 309—323; Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцы, иганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // Сов. этнография. 1940. З. С. 67—76; *Прокофьева Е. Д. Ненцы (в основу описания дореволюционного быта положена статья Г. Д. Вербова и Г. Н. Прокофьева) // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 608—647; Прокофьева Е. Д. Селькупы (с использованием материалов Г. Н. Прокофьева) // Там же. С. 665—686.**
- ²² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Д. 24. Л. 16.
- ²³ О Н. Н. Тихоничевой см.: Архив МАЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 21; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 364; 419; 426. Л. 98; Ф. 222. Оп. 2. Д. 497; Ф. 302. Оп. 2. Д. 354.

- ²⁴ Тихоницкая Н. И.: Словесно-художественное творчество. Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда летом 1925 г. // Тр. Вятского гос. музея. Т. 1. Вятка, 1927. С. 64—70; «Спорная» в хатенных обрядах и песнях, преимущественно белорусских // Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932. С. 59—81; Сельскохозяйственная толока у русских // Сов. этнография. 1934. № 4. С. 73—90; Русская народная игра «Просо седали» // Сов. этнография. 1938. № 1. С. 145—166.
- ²⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 83.
- ²⁶ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4907; Ф. 77. Оп. 5. Д. 77, 473; Ф. 142. Оп. 5. Д. 336; 426. Л. 75; Ф. 302. Оп. 2. Д. 214.
- ²⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.
- ²⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 109.
- ²⁹ Там же. Д. 295; 426. Л. 45.
- ³⁰ О Е. В. Жирове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 109; 276; 395; 426. Л. 33.
- ³¹ Жиров Е. В.: (совм. с Б. Н. Вишневым). Анатомические коллекции Кунсткамеры. Путеводитель по выставке. Л., 1934; Черепа из русских погребений XVI—XVII вв. на территории бывшего Тихвинского уезда // Антропологический журнал. 1936. № 1. С. 82—89; Древние ижорские черепа // Сов. археология. 1937. № 2. С. 151—158; Костики из грота Мураак — Коба // Там же. 1939. № 5. С. 179—186; Об искусственной деформации головы // Сообщения ИИМК. Вып. VIII. Л., 1940. С. 81—84; (совм. с В. В. Гинзбургем). Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // Сб. МАЭ. Т. 10. 1949; С. 213—265; Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии // Там же. С. 266—272; Костики из каменных ящиков Крыма // Там же. С. 276—284.
- ³² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 104.
- ³³ Подробнее об А. Н. Кондаурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 127; 294; 398; 426. Л. 44; Ф. 222. Оп. 2. Д. 215. Архив МАЭ. Ф. 9.
- ³⁴ Кондауров А. Н.: Переселенческий колхоз в Таджикистане // Труд и быт в колхозах. Л., 1931; Резекпозиция отдела Передней и Средней Азии в Музее антропологии и этнографии // Сов. этнография. 1934. № 4. С. 123—124; Предварительный отчет о научной командировке в долину р. Ягноб в Таджикистане // Там же. 1935. № 1. С. 121—122; Некоторые материалы по этнографии ягнобцев (Из результатов поездки в 1934 г.) // Там же. 1935. № 6. С. 80—108; Центральный музей Таджикской ССР (г. Душанбе) // Там же. 1936. № 6. С. 134—135; Отчет об экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР по изучению жилищ ягнобцев и горных таджиков (1936) // Там же. С. 111—116; Экспедиция Среднеазиатского отделения Всесоюзного института экспериментальной медицины в Ягноб и долину Зеравшана // Там же. С. 139; Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.; Л., 1940 (Тр. Ин-та этнографии. Т. 3. Вып. 1. Серия этнографическая).
- ³⁵ О К. А. Большой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 234; 385; 426. Л. 8. Там же имеется список ее работ. В 1939 г. она совместно с Л. А. Дягачем опубликовала статью «Народные художественные ремесла Ленинградской области» (Сов. этнография. 1939. № 2. С. 104—148), и после войны увидела свет ее небольшая работа «Стилевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекций МАЭ» (Сб. МАЭ. 1949. Т. 10. С. 34—38).
- ³⁶ О С. А. Штернберг см.: ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 4. Д. 17; 426. Л. 108.
- ³⁷ Штернберг С. А.: Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. Имп. Петра Великого. Этаж 1. Зал. 1. Северная Америка. Пг., 1917; Музейные материалы по глиняному шаманству // Сб. МАЭ. 1927. Т. 6. С. 79—114; Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (По личным воспоминаниям, литературным и архивным данным) // Там же. 1928. Т. 7. С. 31—70; Музейные материалы по глинянкам. Очерк 2. Церемониальные принадлежности // Там же. 1929. Т. 8; Отдел Северной Америки. Путеводитель по МАЭ. Л., 1929; Музейные материалы по глинянкам. Очерк 3. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сб. МАЭ. 1930. Т. 9. С. 167—186; Л. Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904—1927 гг. (По личным воспоминаниям и архивным данным) // Сов. этнография. 1936. № 2. С. 134—154; Семья и род у западных индейцев Северной Америки (По новейшим исследованиям) // Тр. Ин-та этнографии. 1936. Т. 4. С. 789—809; Черные и белые в Соединенных Штатах Америки. М.; Л., 1936; (совм. с С. А. Токаревым, Б. И. Шаревской). Племена Калифорнии и Большого бассейна // Народы Америки. Т. 1. М., 1959. С. 266—283.
- ³⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. (1942). Д. 25. Л. 1.
- ³⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 151; 334; 412; 426. Л. 73.
- ⁴⁰ Пиотровский А. Б.: Цветные и белые в Океании // Природа и люди. 1931. № 4. С. 51—56; Тасманийцы (Краткий очерк культуры) // Сов. этнография. 1933. № 3—4. С. 166—174; Новые материалы о горных племенах мандатной территории Новой Гвинеи // Там же. 1936. № 3. С. 99—100; Франко-бельгийская и Американская экспедиция на о. Пасхи // Там же. 1937. № 1. С. 184—185; Кинофильм из жизни коренного населения Южной Австралии // Там же. 1937. № 2—3. С. 124; Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888) // Н. Н. Миклухо-Маклай. Дневники путешествий на Новую Гвинею и острова Адмиралтейства в 1881—1883 гг. М.; Л., 1937. С. 9—53; Культура папуасов залива Астралабии по исследованиям Н. Н. Миклухо-Маклая // Иав. ВГО. 1939. № 1—2. С. 170—186; Выставка к 50-летию со дня смерти великого русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая (1888—1938). Путеводитель. М.; Л., 1939; Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Т. 1—2. Подготовка к печати И. Н. Винникова и А. Б. Пиотровского. М.; Л., 1940; Тасманийцы // Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 272—280.
- ⁴¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 334. Л. 3.
- ⁴² Об О. Н. Бумагиной см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 9.
- ⁴³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 6. Других дополнительных сведений об О. Н. Драмовой не удалось найти.
- ⁴⁴ О Е. М. Кубиш см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 299; Ф. 158. Оп. 7. Д. 145; 686.
- ⁴⁵ О Н. А. Липской см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 311; 404; 426. Л. 55; Архив МАЭ. Ф. 5.

- ⁴⁶ Липская Н. А. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанасов (гольдод) // Сов. этнография. 1940. № 3. С. 250—256.
- ⁴⁷ Иванов С. В., Левин М. Г., Смоляк А. В. Нанайцы. (В основу описания дореволюционного быта положена статья Н. А. Липской «Нанайцы») // Народы Сибири. М., Л.; 1956. С. 783—816.
- ⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 25. Л. 13.
- ⁴⁹ О В. В. Екимовой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 28; 143; 393; 426. Л. 30.
- ⁵⁰ В Институте этнографии АН СССР одно время существовало деление на кабинеты, в которых сосредоточивалась научно-исследовательская работа, и отделы МАЭ, входившего в состав института. В феврале 1941 г. кабинеты и отделы были слиты, новое структурное подразделение получило название отдела.
- ⁵¹ Екимова В. В.: О прикладном народном искусстве в Узбекистане // Сов. этнография. 1940. № 4. С. 187—192; Среднеазиатские кувшины для растительного масла // Сб. МАЭ. 1949. Т. 10. С. 101—206; Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1959. С. 343—378.
- ⁵² Об А. А. Луканиной см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 56.
- ⁵³ О В. Е. Краснодембском подробнее см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 29; 132; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 301; 373; Вологодина В. Н. Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 174.
- ⁵⁴ Уже после войны, в 1951 г., в Издательстве АН СССР в Москве вышел «Урду-русский словарь». Авторы его Бескровный В. М. и Краснодембский В. Е. Позднее была опубликована еще одна статья: Краснодембский В. Е. Индуизм // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.; Л., 1957. С. 263—281.
- ⁵⁵ Об О. К. Кузнецовой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 49.
- ⁵⁶ Об А. Н. Стариковой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 91.
- ⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 5.
- ⁵⁸ Там же. Л. 21.
- ⁵⁹ Там же. Л. 25.
- ⁶⁰ Там же. Л. 42; Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 8.
- ⁶¹ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 81, 82.
- ⁶² О П. А. Смелове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 352; 426. Л. 88; Оп. 1 (1945). Д. 18. Л. 50; Ф. 4. Оп. 2 (1931). Д. 73. Л. 175; Оп. 4. Д. 2934.
- ⁶³ О Е. И. Зинюк см.: Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 35.
- ⁶⁴ О В. П. Леонтовской см.: Там же. Л. 54.
- ⁶⁵ О Т. В. Кристьян см.: Там же. Л. 47; Оп. 1 (1943). Д. 34. Л. 8.
- ⁶⁶ О П. Е. Васильевой см.: Там же. Оп. 5. Д. 426. Л. 23.
- ⁶⁷ О М. Г. Гостяиловой см.: Там же. Л. 23.
- ⁶⁸ Об Э. Г. Габер см.: Там же. Л. 19.
- ⁶⁹ Лихачев Д. М. Как мы остались живы // Нева. 1991. № 1. С. 11.

Playing the last honours

The above are short biographies of the ethnographers and museum workers who died in the blockaded Leningrad in 1942—1943.

A. M. Reshetov

© 1995 г. ЭО, № 2

Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт

ГОДЫ ВОЙНЫ В ЖИЗНИ С. П. ТОЛСТОВА

Согласно семейному преданию, Павел Сергеевич Толстов встретился со своей женой, сестрой милосердия, во время русско-японской войны. В январе 1907 г. в Санкт-Петербурге у них родился сын Сергей. Отец мальчика, отважно сражавшийся в первой мировой войне, умер от туберкулеза в Ялте в 1916 г. Он был полковником лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. Три его старших сына воспитывались в кадетском корпусе. Достаточно известен по истории гражданской войны их дядя Владимир Сергеевич, генерал-лейтенант, атаман Уральского казачьего войска (1884—1956). Дед Сергей Евлампиевич, генерал от кавалерии, был расстрелян в 1920 г.¹